

и другие правы. Мы заметили выше, что одни факты, не проникнутые единою и всеобщею мыслью, не могут удовлетворить познающего духа, и потому мы не можем не согласиться с упреками, делаемыми сухим собирателем фактов; и нам остается только исследовать сущность и образование теории, для того чтобы убедиться, что и сухие эмпирики, восстающие против теории, в свою очередь, правы. Как образуются теории и что служит им исходным пунктом? Опытное наблюдение, многообразие фактов и частных законов, подмеченных эмпиризмом. Но многообразием не удовлетворяется знание: знание требует единства в многообразии; что же делают теоретики для того, чтобы найти его? Они прибегают к *гипотезам*, к *предположениям*: теоретик принимает какую-нибудь мысль, какое-нибудь общее определение за начало и старается объяснить и вывести из него все факты, все частные законы, входящие в состав занимающей его науки. Но чем же может быть доказана истина, необходимость такой мысли? Она не более как предположение: с одной стороны, она основывается на том более или менее обширном опытном наблюдении, из которого она извлечена, с другой же стороны, она оправдывается тем, что большая часть фактов в самом деле под нее подходит. Другое доказательство для нее невозможно. Если бы теоретик захотел доказать истину и необходимость своего главного начала, не прибегая к наблюдениям и не поверяя его опытом, если бы он решился отвлечься от эмпирической достоверности, тогда бы лишился последнего основания, последней точки опоры, потому что доказать мысль можно только двояким образом: или, а priori, в чистой области мысли, и такое доказательство предполагает философию, или, а posteriori, указанием в опытном мире фактов, соответствующих мысли. Но теоретики, точно так же как и сухие эмпирики, не только что мало знакомы с философией, но большею частью пренебрегают ею, и потому им остается только доказательство а posteriori, проверка мыслей, начал своих, посредством опытного наблюдения; но наблюдение, служащее основанием, источником для всеобщего начала теоретика, более или менее ограничено, односторонне; и потому начало это не может иметь притязания на абсолютную всеобщность и действительно только для той части действительного мира, из которой оно произошло и получило свое значение, так что если бы даже все доньше известные явления подходили под какое-нибудь начало, то никогда нельзя быть уверенным, что впоследствии не явились такие факты, которые не опровергли бы его совершенно. Кроме того, понять какое-нибудь явление или какой-нибудь частный закон – значит понять необходимое происхождение и развитие его из единого и всеобщего начала; но для этого необходимо познание всеобщего как чистой, самой из себя развивающейся мысли; а это опять входит в область философии и невозможно без философии, и потому теоретики обыкновенно подчиняют только особенное отвлеченному, всеобщему, так что особенности остаются равнодушными друг к другу и к своему всеобщему.

Наконец, ни одна теория не удовлетворила еще и не могла удовлетворить главного требования познающего духа: ни одна не проникла еще до того единого и всеобщего начала, на котором была бы основана и из которого могла бы быть развита вся бесконечность действительного, как естественного, так и духовного мира; до сих пор были особенные теории электричества, света, магнетизма и так далее; с грехом пополам были также теории, обнимающие целые науки, как то: теория физики, терапии, права, искусства и проч.; но не было ни одной, которая бы обняла всю полноту действительного мира. Откуда же эта ограниченность? Причина сего недостатка заключается в том, что все теории без исключения не только что выходят из области эмпиризма, но суть необходимые продолжения его: всякий теоретик есть вместе и эмпирик. Эмпиризм, опытный мир, есть начало и конец всякой теории; теоретик отправляется от многообразия действительного мира, открывает в уме своем мысль, которая, по его мнению, должна объяснить и обнять этот мир, и возвращается к этому же многообразию, чтоб найти в нем оправдание и доказательство своей мысли. Теория есть необходимый результат и, если так можно выразиться, цветок эмпиризма, так что нет теоретика, который бы не был эмпириком, точно так же как нет эмпирика, который бы не был теоретиком; и борьба между эмпириками и теоретиками есть не что иное, как внутренняя борьба, внутреннее противоречие эмпиризма в самом себе, – борьба, в которой он сознает свою собственную ограниченность, свою собственную недостаточность и указывает за себя, – на высшую область знания, на *умозрение*. В этой борьбе с самим собою эмпиризм бывает часто к самому себе несправедлив, но отвлеченность и крайность есть неизбежная участь всякой борьбы, а потому и эта несправедливость понятна. Таким образом, упрекая совершенно справедливо сухих собирателей фактов в том, что, оставаясь при мертвом и равнодушном многообразии, они не удовлетворяют главной потребности познающего духа, теоретики позабывают часто, что и такие работники необходимы, что без них точное и полное знание фактов было бы невозможно; такие ученые суть труженики, поденщики, собирающие материалы для великого храма истинной науки; они